

ЧЕЛОВЕК И ТРУД

Т. М. Шавлаева

БЕЗДЕЯТЕЛЬНЫЕ

Аннотация: Статья освещает вопросы полового разделения труда в чеченском традиционном хозяйстве, являвшемся основой этноэкономики в условиях отсутствия фабрично-заводской промышленности. Отмечая исключительное трудолюбие женщины, некоторые исследователи преувеличивали тезис о «ленивом и бездеятельном» в хозяйственном отношении мужчине. На самом деле, самые тяжёлые физические работы, связанные с полеводством, скотоводством и кустарными промыслами, выполняли мужчины. Вмешательство женщин в «мужское пространство» понималось как недооценка маскулинности.

Ключевые слова: история, разделение труда, мужские промыслы, традиционное хозяйство, маскулинность, чечня, чеченское хозяйство, этноэкономика, половое разделение труда, женский труд.

В традиционном хозяйстве чеченцев сложилось некое правило, осуждаемое обществом в случае его не соблюдения, - это распределение хозяйственных обязанностей по степени физической сложности выполняемой работы.

Мужчина был безукоризненным и полноправным хозяином дома (цIийна да), что не принято было рекламировать, - не сведущий, иной раз, его мог принять даже за постороннего человека. Женщина, у которой права всё-таки были ограничены, наоборот, казалась полной хозяйкой дома (цIийна нана) со всеми вытекающими отсюда обязанностями. Старики были семейными авторитетами, их участие в домашнем производстве было довольно ощутимое, однако это участие не входило в круг их обязательств. Традиция приветствовала, когда младшие напоминали старшим, что пора им отойти от физических работ в хозяйстве и взять на себя роль советчика, что в итоге и происходило. Ни одно мало-мальски важное дело не начинали в хозяйстве, не посоветовавшись со старшими.

В кавказоведческой литературе дореволюционного периода утвердилось мнение, что все хозяйственные заботы на Кавказе, в том числе и Чечне, лежали на женских плечах. К примеру, Я. Рейнегге, совершивший по заданию Российского правительства в течение трёх лет (1781-1783) пять экспедиций по Кавказу, писал, что вся домашняя экономика чеченцев оставлена на попечение женщин, а для

мужчин ничего не остаётся, кроме охоты, грабежа и пьянства¹. По некоторым сведениям, сам автор умер 1793 году от злоупотребления наркотиками². Исследователь середины XIX в. К. Самойлов взял за правило даже исключение, когда женщина по какой-то причине запрягала волов или лошадь. По его мнению, женщина работает «чуть ли не более скотины и, не смотря на то, не пользуется ни малейшим уважением», а мужчина «большую часть времени проводит в праздности»³. Исследователь кустарных промыслов последней четверти XIX в. О. В. Маргграф особо подчёркивал первостепенную роль женского труда в этом виде производства на Северном Кавказе⁴, но при этом недооценивал важность «мужских» кустарных промыслов, о которых пишет сам в своей работе.

Загруженность кавказской женщины домашними проблемами понятна, справедливо утверждение о её личном трудолюбии. Дальше, по образному выражению М. О. Османова, уже начинаются «не-

¹ Северный Кавказ в Европейской литературе XIII – XVIII веков. Сборник материалов. - Нальчик, 2006. - С. 218, 226.

² Там же. - С. 218.

³ Самойлов К. Заметки о Чечне. – М., 2002. - С. 78.

⁴ Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. - М., 1882. - С. 28.

справедливости»⁵. На это обстоятельство указал и С. Хасиев: «...Вайнахи изображались храбрыми, мужественными воинами, но людьми ленивыми и бездеятельными в хозяйственном отношении. По этому пути пошли и некоторые исследователи первых лет после Октябрьской революции»⁶.

При всём том, в любом хозяйстве хватало работ, выполнение которых не позволяли женщине или её физические способности, или традиция.

Цель данной статьи показать традиционные роли мужчины и женщины в хозяйственном производстве чеченцев.

В данное время в Чеченской республике приветствуется возвращение в некогда покинутые горные сёла, особенно нацелена программа возрождения традиционных видов хозяйственной деятельности. В такой ситуации, как нам представляется, необходимо знание исторически сложившегося правила участия мужчины и женщины в домашнем хозяйстве.

Неравное разделение труда имело место, однако, как пишет вышеназванный автор М. О. Османов, это явление имело своё объяснение в воинственной организации общины, что «ограничивало возможности трудовой деятельности»⁷, далее в качестве примера он приводит казаков, у которых военная служба была постоянным занятием, что приводило к ощутимому «перекоосу» в половом разделении труда. После присоединения к России этот фактор утратил силу, но мужчины по инерции избегали труда и часто засиживали на майдане. Тем не менее, образ чеченского мужчины «склонного к праздности»⁸, взваливши всё, как правило, на женские плечи, представленный в исторической литературе, далеко не является верным.

Хозяйственный календарь чеченцев, как и у других народов, хорошо зафиксировал начало, ход и завершение всех хозяйственных работ в чеченском обществе⁹. Ранней весной каждый хозяин вспахивал

свой участок земли, а перед этим готовил к работе сельхозинвентарь, что никак не входило в обязанности женщины, последние могла принять участие только в очистке участка от растительного сора. Горные поселения имеют хозяйственный скотоводческий уклад, поддержание которого рассчитано на физическую силу. Плоскостная Чечня, являясь житницей всего Северо-Восточного Кавказа, производила хлеба для широкого сбыта в другие районы. Земледельческие работы здесь имели более интенсивный характер, чем в горной зоне. Боронованием, отбором злаков, посевом занимались мужчины; женщин не пускали даже в погонщики волов, но прополка входила в обязанности женщин, при чём в плоскостной Чечне мужчины разделяли с ними и эти обязанности.

Для молотьбы зерна служила молотильная доска - «эрнеI», иначе называемая на равнине «балба». Эти тяжёлые доски с кремневыми вставками, изготовление и перемещение которых под силу только мужчинам, имели широкое хождение на Кавказе. В музеях Закавказья, в частности, Грузии и Армении, они представлены в хорошей сохранности. Одна из них имела длину 2 м. 04 см., ширина у основания 94 см. постепенно сужалась до 78 – 55 – 30 см. и напоминала форму ладони руки с приподнятыми кончиками пальцев.

Большой знаток культуры полеводства, долго изучавший земледелие чеченцев, этнограф С. Хасиев пишет, что «жатва - трудная и ответственная пора, поэтому в ней принимали участие как мужчины, так и женщины», но полевыми работами у вайнахов, в основном, были заняты мужчины. Причем сельскохозяйственные работы не считались унижительными для самых знатных горцев. По этому поводу Н. Ф. Грабовский писал, что мужчины «нисколько не кичатся приобретенным ими уважением к себе, и во время работ, как самый простой туземец, трудятся над своим добром. Мне приходилось встречать многих туземцев-офицеров, которые нисколько не стеснялись званием, очень усердно работают косою, топором и всем тем, чем можно работать». Вопреки сложившемуся в литературе мнению, будто бы большая часть полевых работ ложилась на плечи женщин, мы убеждаемся, что, наоборот, они выполнялись в основном мужчинами¹⁰.

⁵ Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. - Махачкала, 1996. - С. 178.

⁶ Хасиев С. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – начале XX в. - Нальчик, 2004. - С. 4.

⁷ Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. - Махачкала, 1996. - С. 178.

⁸ Берже А.П.. Чечня и чеченцы. - Грозный, 1991. - С. 70.

⁹ Мадаева З. А. Народные календарные праздники вайнахов. - Грозный, 1990. - С. 10.

¹⁰ Хасиев С. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – начале XX в. - Нальчик, 2004. - С. 107, 98 – 99.

В 90 – е годы XIX в. более 80% населения Терской области занималось хлебопашеством. Земледелие, вообще и хлебопашество, в частности, составляло главный источник благосостояния местного населения. На одного человека в Чечне в среднем приходилось до 20, 4 пуда хлеба. Для собственного потребления хлеба в Чечне было предостаточно. Его продавали многочисленным скупщикам, а те его перепродавали, в частности, в Дагестане. Хлеб вывозили большими партиями через черноморские порты и по железной дороге. Из Чечни за 15 лет (1898-1913) вывоз хлеба увеличился почти в 4 раза и достиг 6, 1 млн. тонны. Приказчики торговой фирмы Дрейфуса разъезжали по станицам и аулам Чечни, месяцами жили там и закупали кукурузу вагонами, обманывая казаков и чеченцев фальшивой меркою¹¹.

Животноводство, особенно овцеводство, удовлетворяло жизненно важные потребности в мясе, молоке, сырье для домашнего ремесленного производства. В начале 90 – х годов XIX в. в Чечне насчитывалось до 365 тыс. мелкого рогатого скота, из них 75% овец, остальные 25% козы. На каждые 100 душ населения обоего пола в среднем приходилось 196, 2 голов мелкого рогатого скота. Равнинные жители имели на 100 жителей 119, 5 голов мелкого скота, в горной полосе 335,5 голов. Следует выделить 7-ой участок Грозненского округа (в верховьях Шаро-Аргуна), где на 100 жителей приходилось 641, 6 голов; и 6-ой участок в верхнем течении Чанты-Аргуна, где на 100 жителей приходилось 422 головы¹².

Разумеется, такой огромный массив работы, присутствующий в сельскохозяйственной сфере, был не под силу чеченским женщинам даже при их чрезмерном трудолюбии.

Сенокос являлся традиционно мужским занятием, к которому относились с большой ответственностью, поскольку от заготовки кормов зависело поголовье в скотном дворе хозяина. По данным источника, в Нагорной Чечне на каждый двор приходились участки сенокосов¹³. По свидетельству

профессора А. И. Хасбулатова, описывая условия горского скотоводства, Н. Грабовский ещё в 60-ые гг. XIX в. писал: «Человеку, первый раз попавшему в горы, придётся бесконечно удивляться тем нечеловеческим усилиям, которые употребляет горец для того, чтобы находящиеся в его распоряжении скудные клочки служили ему подмогою в средствах для жизни. Приготовить покосное место в горах и потом собрать с него сено также трудно, как и приспособление полей для посевов. Прежде всего, нужно было крутые покатоности гор очистить от камня; но так как величина многих из этих камней не позволила людской силе сдвинуть их, то покосные места должны были остаться между ними. Здесь-то, под палящими лучами солнца, горец работает косою и сгребает в небольшие копны накошенную траву. Непривычный человек едва ли сумел бы свободно ходить по этим покосным местам. Только доставка сена вниз горцу нетрудна: копна обыкновенно туго переплетается древесными, гибкими прутьями и в таком виде стелкивается под гору»¹⁴.

Косаря кормили, как воина, особо заготовленной пищей – калорийной и лёгкой: курдюк, овечий сыр и толокно, спрессованное маслом, входили в его рацион. В горячую пору сенокоса было принято прибегать к коллективной взаимопомощи, при этом в обязанности хозяина входило щедрое угощение косарей. Притча доносит, как однажды хозяин предложил косарям съесть перед работой по одному ломтю курдюка, но один из них свой кусок не доел, тогда хозяин его прогнал и объяснил это следующим образом: «Если он **себе** не ест курдюк, будет ли он **мне** косить?». В сборе сена принимали участие женщины, в том числе и девушки.

Планирование скотоводческого хозяйства, строительство хозяйственных и жилых помещений, выпас скота, селекционные работы, нанесение тавра – всё это входило в прямые обязанности мужчин. Традиционно мужским занятием было всё, что связано и с коневодством.

Наряду с пахотой, жатвой, заготовкой сена, одним из ответственных видов работ, являлась стрижка овец, проводимая в сжатые сроки, прибегая к взаимопомощи, где участие женщин, в лучшем случае, ограничивалось косвенным участием в приготовле-

¹¹ История Чечни История Чечни с древнейших времён до наших дней в двух томах. Т. I. История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. - Грозный, 2008. - СС. 584, 587, 590-591.

¹² Там же. – С. 598.

¹³ Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. - Махачкала, 1996. - С. 175.

¹⁴ Хасбулатов А.И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – нач. XX века). М., 2006. - С. 182.

нии пищи. Почему косвенным, потому что на такие случаи в обязательном порядке резали баранов, а обслуживание котла и раздача мяса на разных мероприятиях, включая пиршества, свадьбы, похороны, входили в «мужское дело».

Осенью начинали заготовку дров в близлежащих лесах, где участие женщины носило эпизодический характер, без обращения с топором, пилой и другим рабочим инструментарием. Названный инструментарий являлся дополнением к маскулинности, работа с ними представителей феминисток оправдывалось лишь в случае отсутствия в доме (или у близких родственников) мужской силы.

Таким образом, выполнение физически тяжёлых работ на пахотных, пастбищных, сенокосных, лесных участках приходило на мужскую долю и претензии женщин на их выполнение в присутствии мужчин, а также предложение последним работы из ряда «женской», понимались как слабая оценка маскулинности, что было равнозначно оскорблению.

По свидетельству исследователей XIX - начала XX века О. В. Маргграфа, А. С. Пиралова, Г. А. Вертепова, Е. Максимова и др., в условиях отсутствия фабрично-заводской промышленного, народы Кавказа, в том числе и чеченцы, удовлетворяли свои потребности изделиями собственного производства. Как было отмечено выше, О. В. Маргграф, самый авторитетный из них, высоко оценил мастерство туземной женщины в домашнем производстве. На Северном Кавказе наибольшим числом промыслов, занималось коренное население – 32 вида из 40, «большинство их – производство составляет труд женский»¹⁵. Как заметил профессор Н. П. Гриценко, для Чеченской Республики были характерны все виды ремесла: домашнее, на заказ и на рынок¹⁶. Из 70 случаев, уточняет О. В. Маргграф, 39 составляет труд женщин, а у русских больше заняты ими мужчины, «женщины бесспорно главные деятельницы местного кустарного – промышленного дела: на них лежит наибольшая и самая тяжёлая часть труда»¹⁷.

¹⁵ Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа в описании техники производства. - М., 1882. - С. 28.

¹⁶ Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861 – 1900). – Грозный, 1963.

¹⁷ Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа в описании техники производства. - С. 31

На самом деле из всех женских промыслов самым распространённым был шерстяной, он включал в себя девять видов. Один из них – валяльный промысел, связанный с изготовлением войлоков и бурок, действительно был изнурительный и, не смотря на это, мужчины никакого участия в нём не принимали, что было характерно для всех народов Северного Кавказа, исключением являлись лишь лезгинские мужчины.

Тяжёлая работа по войлочному и бурочному производству являлась, к счастью, коллективной за невозможностью её выполнения одной женщиной, так как качество войлока складывается в процессе уваливания, которое должно охватывать одновременно все участки полотна, что достижимо только при коллективной организации труда. Обстоятельства и техника работы, выполняемой дома женщинами, согнувшись на полу, тем более из такого «женского материала», как шерсть, никак не вписывались в кодекс горца, чтобы оказать при этом помощь женщине.

Превращение шерстяного полотна в войлочное – это своего рода искусство с умением ровно разложить шерсть, а затем аккуратно свернуть в рулон, ритмично сообщая на каждом этапе силу, способствующую равномерному уваливанию. Мастерицы чувствуют руками «жизнь» войлока и превращают его в произведение искусства. В изучаемый период в Чечне славились изделия мастериц по декоративным войлочным коврам Я. Устархановой из с. Шали, А. Ахматхановой из с. Ведено, М. Сулеймановой из с. Шатой, Р. Кемеговой из с. Ножай-Юрт и многих других.

Загруженность кавказской женщины бесконечными домашними хлопотами и промыслами создавало впечатление, что она выполняет физически тяжёлые хозяйственные работы, отношение к которым было лишь косвенное. В действительности же тяжёлые работы, как пахота, сенокос, стрижка овец, добыча и обработка камня, заготовка дров, перевозка грузов на транспортных средствах, обработка шкур, а также многие другие занятия с применением кузнечного и плотницкого инструментария, входили в обязанность мужчины. Более того, некую склонность женщин к «мужским» видам работ не приветствовалось и понималось как вмешательство в «мужское пространство».

Женщина убирала в доме, ткала, занималась рукоделием, готовила пищу, доила коров и перерабатывала молочную продукцию, но в то же время овец

доил (и готовил овечий сыр) мужчина, разделкой туш и заготовкой мяса занимался мужчина.

Исследователь К. Самойлов, пребывание в Чечне которого совпало с периодом Кавказской войны, отмечает «дикость её обитателей» и «врождённое отвращение их к какому либо труду», но тут же пишет, что «главный торг в прежние времена чеченцы производили хлебом, который преимущественно сбывали в Дагестан». По свидетельству того же автора, в мае 1850 года было заключено перемирие сроком на три дня для проведения ярмарки около крепости Грозной, куда было дозволено привести товары и горцам, подвластным Шамилю. «Главный привоз из гор составляли хозяйственные продукты: «яйца, сыр, масло, мёд; привезли также много шкур, обделанных и необделанных; кожаные изделия, сукна, ковры и тому подобное. Горцам было запрещено продавать хлеб во всех видах, деревянные и железные изделия». Больше подобные ярмарки не собирались, видимо, Шамиль опасался сближения горцев с русскими. Далее автор пишет, что «сырые продукты имеют в горах очень низкие цены, и, взятые купцами по этой цене, передаются потом русским с большим барышом». Цены: пуд сена – 10 коп., кубическая сажень дров – 3 – 4 руб., восемь мер кукурузы - 1- 2 руб.¹⁸ Приведённые сведения нельзя отнести к нехозяйственному народу, тем более, в период войны.

В то же время исследователь С. Иванов восхищался трудолюбием горца:

«... Ловкий и хитрый кавказский горец ничем не хуже нашего смышленного мужика; он также хорошо сделает колесо, как и тот; мед и овчины приготовит едва ли не лучше, а кой в чем другом, пожалуй, и далеко оставит русского мужика за собой»¹⁹.

Противоречивые высказывания разных авторов скрывают их классовые позиции, имевшие место в тот своеобразный период нашей истории. Однако изделия оружейных мастеров из аула Атаги, при крепости Воздвиженской не оставили равнодушным и столь категоричного К. Самойлова: «..Шашки эти отличаются легкостью, гибкостью и ценятся довольно дорого... Серебряники делают наборы на оружие и на конскую сбрую из серебряных блях, покрываемых грубого рисунка чернью»²⁰. Г. Властов

писал, что «в центре чеченского народа сохранились оружейники, которые по обычаю своих отцов изготавливают шашки, называемые волчками, с изображением волчка»²¹. Эти шашки высоко ценились и у соседних народов. Учёный И. Асхабов изучил оружейное дело чеченцев и восстановил имена 170 мастеров²².

Центрами развитого ювелирного дела в Чечне являлись сёла Урус – Мартан, Шали, Шатой и другие «Специалисты по золоту и серебру были в Ведено в тайпе Тахиевых, в Урус-Мартане – у Абдуллаевых, в Атагах – у Нинчиевых и др.», - пишет Л. М. Гарсаев²³. К сожалению, женщин среди ювелиров не зафиксировано.

Женский костюм горянки дополняется богатыми украшениями, поэтому ювелиры были востребованы и ценимы в чеченском обществе.

Отмечая достоинство изделий горских ювелиров, Г. А. Вертепов писал: «Прочность огневой позолоты, кавказская «чернь» и своеобразная узорчатая резьба выделяют их из общей массы однородных изделий»²⁴.

В 1886 году в 21 селении Грозненского округа Терской области на 17 280 человек мужского пола приходилось 158 ремесленников, из них 11 человек были серебряниками²⁵.

Из мужской среды вышли известные мастера по башенному строительству, как искусный мастер Мути из чеченского общества Хачара, который построил жилые и боевые башни в Аргунского ущелье, зодчие Эта, Чочкар, Гаспар, Багат из Майста и другие²⁶.

Обработка дерева являлось исключительно мужским занятием: сельскохозяйственный инвентарь, многочисленные виды кухонной посуды, домашняя мебель, средства передвижения, орудия

²¹ Властов Г. Война в Большой Чечне // Ж. Русский инвалид. 1856. №160. - С.56.

²² Асхабов И. Чеченское оружие. - М., 2003.

²³ Гарсаев Л. М. Вайнахская женская одежда (конец XIX-начало XX в.). – Грозный. 2005. - С.101

²⁴ Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области. - Владикавказ, 1897. Вып. 1. - С. 25.

²⁵ Прикладное искусство чеченцев и ингушей (XIX – начало XX в.) – Грозный, 1984. Составитель Акиева Х. М. - С. 10.

²⁶ Чахкиев Д. Ю. Мастера – строители у вайнахов в XVII – XIX в. // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. - Грозный, 1987. - С. 100.

¹⁸ Самойлов К. Заметки о Чечне. – М., 2002. - СС. 70, 68, 69.

¹⁹ Иванов С. И. О сближении горцев с русскими на Кавказе// Военный сборник. - СПб., 1859. Т. 7. - С.17.

²⁰ Самойлов К. Заметки о Чечне. - С. 47.

шерстеобработки и ткацкого производства, музыкальные инструменты – всё это было делом мужских рук. Обработкой шкур животных и зверей, изготовлением кожи и конской упряжи, кузнечными, плотницкими и гончарными работами занимались только мужчины.

Все задачи, связанные по урегулированию общественных дел, примирению конфликтующих сторон и кровников решали мужчины. В компетенции мужчин были вопросы войны и мира, приёма гостей, одобрение или отклонение переговоров относительно брачных союзов. Но самое главное, они были воинами и защитниками чести – своей, семьи, рода, села и страны.

Таким образом, тезис о кавказце, в том числе и чеченце, ленивом и бездеятельном в хозяйственном отношении, в кавказоведческой литературе слишком преувеличен. Самые тяжёлые хозяйственные работы - подготовка сельхозинвентаря, пахота, боронование, заготовка сена, транспортировка грузов, стрижка, перегон овец и другие - выполнялись мужчинами. Кроме того, известно достаточное количест-

во «мужских» промыслов – кузнечный, ювелирный, гончарный, строительный, по обработке камня, дерева, шкур и т.д. В своеобразном общественном устройстве чеченцев часто возникали вопросы, урегулирование которых входило в обязанности мужчин.

Трудолюбие чеченской женщины общеизвестно, но утверждение, что она занималась изнурительно тяжёлыми работами, всё-таки неверно, потому что самые тяжёлые физические работы, как мы показали выше, выполняли мужчины. Самым изнурительным из женских промыслов был войлочновалальный, который, к счастью, был коллективным. Вмешательство женщин в «мужское» пространство не приветствовалось в традиционном обществе чеченцев и рассматривалось как упрёк маскулинности. «Женское пространство» больше было приближено к её домашнему очагу.

Перекосы в распределении хозяйственных обязанностей в сторону загруженности женщины имели место в периоды военных и экстремальных ситуаций, что вполне оправдано в хозяйственной практике не только чеченцев.

Библиография:

1. Асхабов И. Чеченское оружие. М., 2003.
2. Берже А. П. Чечня и чеченцы. - Грозный, 1991.
3. Вертепов Г. А. Очерки кустарных промыслов в Терской области. Владикавказ, 1897. Вып. 1.
4. Властов Г. Война в Большой Чечне // Русский инвалид. 1856. №160.
5. Гарсаев Л. М. Вайнахская женская одежда (конец XIX-начало XX в.). – Грозный, 2005.
6. Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861 – 1900). – Грозный, 1963.
7. Иванов С. И. О сближении горцев с русскими на Кавказе// Военный сборник. - СПб., 1859. Т.7.
8. История Чечни История Чечни с древнейших времён до наших дней в двух томах. Т. 1. История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. - Грозный, 2008.
9. Мадаева З. А. Народные календарные праздники вайнахов. - Грозный, 1990.
10. Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа в описании техники производства. - М., 1882.
11. Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. - Махачкала, 1996.
12. Прикладное искусство чеченцев и ингушей (XIX – начало XX в.) – Грозный, 1984. Составитель Акиева Х. М.
13. Северный Кавказ в Европейской литературе XIII – XVIII веков. Сборник материалов. - Нальчик, 2006.
14. Самойлов К. Заметки о Чечне. – М., 2002.
15. Хасбулатов А. И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – нач. XX века). - М., 2006.
16. Хасиев С. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – начале XX в. - Нальчик, 2004.
17. Чахкиев Д. Ю. Мастера – строители у вайнахов в XVII – XIX в. // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. - Грозный, 1987.

References (transliteration):

1. Ashabov I. Chechenskoe oruzhie. M., 2003.
2. Berzhe A. P. Chechnja i chechency. - Groznyj, 1991.
3. Vertepov G. A. Oчерки kustarnyh promyslov v Terskoj oblasti. Vladikavkaz, 1897. Vyp. 1.
4. Vlastov G. Vojna v Bol'shoj Chechne // Russkij invalid. 1856. №160.
5. Garsaev L. M. Vajnahskaja zhenskaja odezhda (konec XIX-nachalo XX v.). – Groznyj, 2005.
6. Gricenko N. P. Jekonomicheskoe razvitie Checheno-Ingushetii v poreformennyj period (1861 – 1900). – Groznyj, 1963.
7. Ivanov S. I. O sbližhenii gorcev s russkimi na Kavkaze// Voennyj sbornik. - SPb., 1859. T.7.
8. Istorija Chechni Istorija Chechni s drevnejshih vremjon do nashih dnejj v dvuh tomah. T. 1. Istorija Chechni s drevnejshih vremjon do konca XIX veka. - Groznyj, 2008.
9. Madaeva Z. A. Narodnye kalendarnye prazdniki vajnahov. - Groznyj, 1990.
10. Marggraf O. V. Oчерки kustarnyh promyslov Severnogo Kavkaza v opisanii tehniki proizvodstva. - M., 1882.
11. Osmanov M. O. Hozjajstvenno-kul'turnye tipy (arealy) Dagestana. - Mahachkala, 1996.
12. Prikladnoe iskusstvo chechencev i ingushejj (XIX – nachalo HH v.) – Groznyj, 1984. Sostavitel' Akieva H. M.
13. Severnyj Kavkaz v Evropejskoj literature XIII – XVIII vekov. Sbornik materialov. - Nal'chik, 2006.
14. Samojlov K. Zametki o Chechne. – M., 2002.
15. Hasbulatov A. I. Agrarnye preobrazovanija v Chechne i Ingushetii i ih posledstvija (XIX – nach. XX veka). - M., 2006.
16. Hasiev S. Kul'tura polevodstva chechencev i ingushejj v XIX – nachale XX v. - Nal'chik, 2004.
17. Chahkiev D. Ju. Mastera – stroiteli u vajnahov v XVII – XIX v. // Arheologija i voprosy hozjajstvenno-jekonomicheskoi istorii Severnogo Kavkaza. - Groznyj, 1987.